

ГЛЕБ КАРПОВ*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРГУМЕНТАЦИИ**

МЫ ПОПАЛИ НЕ ТУДА, КУДА ДУМАЛИ

Получено: 04.04.2024. Рецензировано: 26.05.2024. Принято: 22.02.2025.

Аннотация: В статье рассматриваются сложности, с которыми сейчас сталкиваются преподаватели дисциплины «Теория и практика аргументации» в отечественных вузах. Автор берет на себя утверждать, что современная теория аргументации, не выходящая из русла широко распространенных течений и школ, не в состоянии удовлетворить практически ориентированный запрос своих пользователей на обнаружение и анализ аргументов. Исправить сложившуюся ситуацию предлагается с помощью ревизионизма, который в данном случае понимается как исследовательская деятельность, направленная на пересмотр основных понятий классической риторики с целью обнаружить их аналитический потенциал. Как ожидается, он ничуть не устарел в наши дни и пригоден для решения задач по поиску и анализу аргументов в значительно большей степени, чем средства, которые предлагает для этого современная теория аргументации. В статье на примере тезиса «риторическая фигура — это аргумент» критически исследуются начала такой деятельности, предлагаются направления дальнейшей работы и показывается, каким образом движение по этим направлениям даст возможность нашим студентам не играть в аргументацию, а, выйдя из стен университета, свободно и по-настоящему участвовать в ней. Статья состоит из девяти параграфов. В первом параграфе показывается, что будет, если игнорировать риторику при анализе аргументации, во втором — что будет, если игнорировать риторику при создании текстов и произнесении речей; в третьем параграфе дается первый обзор наиболее очевидной литературы по проблеме, в четвертом — через список грехов теории и дисциплины утверждается необходимость спасения с помощью риторики; в пятом параграфе предложен второй обзор литературы — не столь очевидной; в шестом — объясняется, почему теперь считают, что хотя бы некоторые фигуры — это аргументы; в седьмом — тезис предыдущего параграфа обобщается на материале «Риторики для Геренния», в восьмом — дается оценка той роли, которую сегодня играют схемы в курсе аргументации, и в девятом — подводится итог сказанному и дается описание способов движения по указанным исследовательским маршрутам риторического ревизионизма.

Ключевые слова: схема аргументации, риторическая фигура, анализ аргументации, подходы к аргументации, преподавание теории аргументации.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-1-229-257.

*Карпов Глеб Викторович, к. филос. н., доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), glebsight@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4346-1117.

**© Карпов, Г. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

...тривиумоидный фетиш на классическое ораторское мастерство к настоящему моменту преобразовался в ЭТА [название учебного заведения] в широкий диапазон исторических лекций и студийных семинаров о различных типах развлечения, в основном кино...

Дэвид Фостер Уоллес. Бесконечная шутка

«РИТОРИКА — ЭТО ИСКУССТВО КРАСНОРЕЧИЯ» И ТЕ СЛОЖНОСТИ,
КОТОРЫЕ ВЛЕЧЕТ ТАКОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ

Преподаватель (я. — Г. К.): Хорошо, а что такое риторика?

Студент: Ну, искусство красноречия... Еще там есть черная риторика. Это когда говорят не по делу, а используют всякие приемы, чтоб переубедить, некорректные, на жалость давят, или угрожают...

Так или почти так всякий раз начинается моя беседа о риторике с будущими бакалаврами гуманитарных наук, как правило, второго года обучения, — с теми из них, чьи учебные планы предусматривают дисциплины вроде «Ораторского искусства», или «Аргументации и риторики», или даже «Эристики». У меня есть гипотеза происхождения подобных взглядов. И хотя она отчасти фантастическая, так как предполагает, что думающие о риторике подобным образом по крайности читают старые бумажные книги, я все же рискну и выскажу свое предположение. У М. Гаспарова в его огромной (около 60 страниц) вступительной статье к первому изданию трактатов об ораторском искусстве Цицерона содержится целая россыпь суждений о риторике, в которых та объявляется и «искусством говорить», и тем, что обращается к чувству и исследует в лучшем случае законы мнения (Гаспаров, 1972). Более того, всякий раз, вне зависимости от того, о каком конкретном историческом периоде классической древности идет речь, риторика неизменно противопоставляется Гаспаровым то диалектике (искусству рассуждения), которая действует в области не чувства, а разума, то логике, о которой говорится, что она является наукой о законах знания, а не мнения, как риторика. И если о «Риторике» Аристотеля Гаспаров судит все же как о попытке примирения знания и мнения, разума и чувства, того, что есть на самом деле, и того, что только кажется, как о попытке сближения настоящих мудрецов-философов и риториков-

софистов, то затем, когда он рассуждает собственно о Цицероне и его риторических сочинениях, его рассказ о той их части, что посвящена словесному выражению, выдержан и вовсе в уничижительном тоне и ведется как бы с извиняющейся интонацией. Да, пишет Гаспаров, Цицерон, конечно, был вынужден обращаться к тому разделу риторической теории, который заведует средствами выражения, но так как он представлял собой лишь бессистемное собрание разных приемов, отступавших от естественной языковой нормы (то есть множество так называемых фигур), Цицерон-де, испытывая «отвращение к мелкому педантизму» тех, кто эти приемы именовал, определял и пытался упорядочить, «всячески избегал касаться этого предмета, а если касался, то лишь в описательных предложениях» (Гаспаров, 1972: 23). Заключив этот период кратким упоминанием одной из поздних классификаций фигур, Гаспаров полагает, что «подробнее останавливаться [на этом разделе риторической теории] незачем».

Эти соображения, предпосланные «Трем трактатам», выразили, а может быть, и сформировали общее пренебрежительное отношение к риторике как к набору приемов, пускающих в глаза пыль. Особенно стойким это пренебрежение оставалось у тех, кто занимался наукой, имеющей дело с настоящим знанием, с истинной, с формальной стороной мысли и с доказательством — собственно с логикой¹. Я подозреваю, что это толкование риторики сделалось элементом общего культурного фона 1970-х гг. Вероятно, что и до сего дня именно он отражается в репликах студентов, подобных той, что я привел.

Предположим, что все это верно и риторика — это и в самом деле внешне красивое, но малосодержательное действие, заполняющее пустоту в аргументации тогда, когда там должны располагаться по какой-то причине отсутствующие формально-логические (или, в большинстве случаев, все же псевдо-формально-логические, как учит нас любой из подходов современной теории аргументации) доказательства.

¹См., например, «Логический словарь» Кондакова (Кондаков, 1975: 452): в 600-страничном издании и с перечнем литературы, объемлющим 1755 единиц, статье «Риторика» отведено пять с половиной строк, в которых она объявляется «наукой об ораторском искусстве», «теорией красноречия»; помимо этого, в статье сказано, что слово «риторика» может употребляться в ироническом смысле (здесь — с насмешкой) «при характеристике красивых, но малосодержательных, напыщенных выражений, пустых фраз».

Преподаватель: В следующем фрагменте найдите точку зрения и довод в ее поддержку. Соотнесите найденный аргумент² с одной из известных вам схем аргументации³.

Снежная королева — Каю: «В последний раз спрашиваю тебя, Кай: останешься ли ты в этой жалкой конуре или уедешь со мной в мой дворец?»⁴

Студент (сам с собой): Буду рассуждать, отбрасывая заведомо неподходящие варианты, ориентируясь хотя бы на список самых распространенных аргументов, данный Д. Уолтоном в его «Основах критической аргументации». Это не аргумент к знанию или мнению эксперта; это не аргумент к причине; и не к признаку, не к последовательности или непоследовательности; это не *ad hominem* и не аналогия. Может быть, устная классификация, а может быть, и к последствиям, но скорее всего, что первое⁵. Так, теперь точка зрения: точка зрения — это мысль о том, что Каю следует переселиться до дворец Снежной королевы, и отношение к этой мысли самой Снежной королевы — понятно, что положительное. Тогда дальше так: аргумент 1 к устной классификации, включающий точку зрения Снежной королевы, и еще — посылка этого аргумента, включающая утверждение о свойстве объекта:

Дом, где сейчас живет Кай, — это жалкая конура.

Классифицирующая посылка того же аргумента:

²Аргументом, следуя зарубежной традиции (а к ней принадлежат почти все исследовательские тексты и все источники, которые я упоминаю в этой статье), я буду называть точку зрения и довод в ее поддержку, один или несколько. Схемой аргументации — способ связи точки зрения и довода, каким гарантируется убедительная сила их композиции. Например, *argumentum ad hominem*, аргумент к человеку — это схема аргументации.

³Всего, по заданию, — около пятнадцати; есть экзотические или лабораторные экземпляры, есть весьма распространенные и оттого хорошо всем знакомые, например, аналогия, аргумент к последствиям или тот же *ad hominem*. Здесь и далее, рассуждая о схемах общим числом пятнадцать, я, как и мой виртуальный студент, будем подразумевать их собрание Уолтоновского извода (см. Walton, 2006: 132–137).

⁴Снежная королева — Каю: «В последний раз спрашиваю тебя, Кай»: Фрагмент фильма «Снежная королева» (1967) режиссера Г. Казанского по сценарию Е. Шварца.

⁵Здесь мой виртуальный студент использует для обозначения схем аргументации русские кальки за отсутствием практически во всех случаях устоявшейся терминологии: аргумент к знанию — *argument from position to know*, аргумент к экспертному мнению — *argument from expert opinion*, аргумент (от взаимосвязи) к причине — *argument from correlation to cause*, аргумент к признаку — *argument from sign*, аргумент к последовательности — *argument from commitment*, аргумент к непоследовательности — *argument from inconsistent commitment*, устная классификация — *argument from verbal classification*, аргумент к последствиям — *argument from consequences*.

Всякий стремится к тому, чтобы поскорее покинуть такой дом.

Наконец, заключение искомого аргумента, которое только подразумевается:

Каю следует стремиться к тому, чтобы покинуть свой дом.

Далее аргумент 2 к устной классификации, тот, что касается дворца Снежной королевы, он формулируется аналогично, понятно... (Его заключением, тоже имплицитным, будет мысль о том, что

Каю следует стремиться к тому, чтобы направить стопы ко дворцу Снежной королевы...

Кажется, что вполне приемлемо. Ладно.)

Студент (вслух): Глеб Викторович, можно мне ответить?

Следует ответ, повторяющий в общих чертах рассуждение, которого мы, читающие, только что были свидетелями.

Преподаватель: Понимаете, я думаю, что главное в этой фразе — это выбор слов и то противопоставление, которое этот выбор слов определяет. Дом, где живет Кай, не случайно назван конурой. Возможно, что это вполне уютное жилище⁶, где Кай обитает вместе с Гердой и бабушкой, в глазах Снежной королевы действительно и тесное, и темное, и грязное. И потому ему и в самом деле, в глазах Снежной королевы, противоположен просторный, светлый и сияющий дворец. А выбор между тесным и просторным, темным и светлым, грязным и сияющим чистотой должен быть для большинства очевиден.

Рассуждая об этом примере как о паре аргументов, каждый из которых напоминает своим строением аргумент к устной классификации, вы как будто упускаете из виду главное — не то, что Снежная королева считает дом Кая конурой (это действительно ее субъективный взгляд, что, в общем, характерно для типа аргумента, на который вы указываете), а то, что она сравнивает два места, противопоставляет одно другому, и что это противопоставление, очевидно, сделано не в пользу дома Кая, что, в свою очередь, и должно побудить его перебраться к ней во дворец.

Давайте проверим, поменяет ли фраза свою убеждающую силу (чтобы это ни значило) в том случае, если мы заменим наименование мест так, что они больше не будут друг другу противоположны:

В последний раз спрашиваю тебя, Кай: останешься ли ты в месте А или уедешь со мной в место Б?

⁶Таким оно показано в фильме.

Не тот эффект, согласитесь. Заметьте также, что противопоставляются не только места, но и как бы способ жизни, определенный окружением. В первом случае, очевидно, Каю придется коротать дни в компании своей бабушки и Герды, которым он не чета, во всяком случае после того, как его сердце превратится к лед, — чего Снежная королева, готовая поцеловать Кая в следующий момент после произнесения слов про конуру и дворец, не может не знать; во то же время жизнь во дворце у Снежной королевы обладателю ледяного сердца должна прийти больше по вкусу. Эту мысль можно было бы еще усилить, добавив в изначальную фразу всего два слова:

В последний раз спрашиваю тебя, Кай: останешься ли ты с ними в этой жалкой конуре или уедешь со мной в мой дворец?

Видите, ни одно из этих противопоставлений не схватывают аргументы к устной классификации (а следовательно, в значительной степени — и современная теория аргументации, во всяком случае, те ее подходы, где схемам отводится центральное место). Хотя, я согласен, они и не являются чем-то совершенно надуманным, и, кажется, действительно соотносятся, пусть и косвенно, через систему неочевидных преобразований и экспликаций подразумеваемого, с тем, что говорит Снежная королева Каю. Напротив, риторика живо интересуется именно выбором слов (чему посвящен целый отдел риторического знания, содержащий правила словесного оформления мыслей, элокуция, лат. *elocutio*) и теми эффектами, в том числе убеждающими, которые этот выбор порождает. Противопоставление же прямо объявляется одним из элементов риторического хозяйства, одной из фигур⁷, изучения которых, следуя мысли Гаспарова, почему-то прилично избегать. Однако если и в самом деле именно на отмеченные противопоставления опирается убеждающая сила фразы, то для того, чтобы корректно описать ее работу, а значит — выполнить одну из центральных задач теории убеждения⁸, каковой объявляет себя всякая современная теория аргументации, нужно не просто принять во внимание риторический компонент сказанного, и прежде всего — используемые фигуры (как делает большинство риторических подходов, являющихся как бы надстройками над логическим

⁷См. [Цицерон], Зверев и Голубева, 2022: 107.

⁸«В некоторых работах схемы аргументации рассматриваются как средство оценки всего процесса аргументации, в других они являются средством выявления аргументов, и, наконец, в третьих они служат основой для описания аргументативной компетенции, присущей носителю того или иного языка» (Гарсен, Голубев и др., 2006: 99).

или диалектическим фундаментом); необходимо признать фигуры ответственными за убеждение не только ничуть не в меньшей степени, чем собственно схемы, но и в первую голову.

НА ЭТОМ СЛОЖНОСТИ НЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Выполнение заданий, обратных поиску готовых аргументов в текстах, в среде студентов, обремененных знаниями об основных схемах аргументации и питающих пренебрежение *a la* Гаспаров к риторике, оборачивается из-за этого еще большими трудностями. Пятнадцать «самых распространенных» схем едва ли годятся для *инвенции*, изобретения конкретных более-менее убедительных или оригинальных доводов в пользу предложенной или сформулированной самостоятельно точки зрения, пусть и вызывающей интерес как аудитории, так и самого студента-оратора. Неоднократно я наблюдал проявления какой-то почти непристойной для гуманитария ограниченности, вызванной не столько недостатком ума, сколько особенностями подхода, когда нужно было, по заданию, защищать точку зрения любым из способов, находящихся в распоряжении теории аргументации, ее диалектического направления, казалось бы, самого мощного и потому распространенного больше прочих. О чем бы ни шла речь на студенческих дебатах — о наилучшей форме правления, социальной справедливости, качестве жизни в большом городе и сельской местности, проблемах, порожденных искусственным интеллектом, или частных вопросах эстетики и визуальной культуры, — аргументы изобретаются, за очень редким исключением, все одни и те же — это аргументы, основанные на схеме к последствиям, к положительным и отрицательным, примерно такого вида: «Нужно браться за реализацию X, потому что это хорошо» или «Не нужно браться за реализацию X, потому что это плохо».

Не ожидаю встретить в аудитории ни Протагора (изобретателя общих мест), ни Горгия (впервые употребившего в речи фигуры антитезы, изоклона и гомеотелевтона⁹), однако все еще не теряю надежды, что члены команд Утверждения и Отрицания в ходе учебных дебатов вдруг явят себя на манер Чаадаева, скандалившего в «Телескопе», или Хомякова, когда-то бесившегося в московских гостиных¹⁰.

⁹У Гаспарова — не «употребившего фигуры», а снова с нажимом на поэтическую составляющую риторики: начавшего их «художественно использовать» (Гаспаров, 1972: 10).

¹⁰О последнем западник Герцен в своей хронике пишет так: «Ум сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на них, богатый памятью и быстрым соображением, он горячо и неумолимо проспорил всю свою жизнь. [...] Во всякое время дня и ночи он был

Предположу, что появление деятеля с такими способностями, врожденными и развитыми затем университетом, или привитыми наново, — появление не только в аудитории, но и на поприщах, на арене общественной жизни — не обеспечивается знанием схем аргументации, а гарантируется в несравненно большей степени именно риторикой, знанием ее теории и потом практической подготовкой, тренировкой «способности находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета». Ведь куда важнее суметь выдумать новый довод или использовать имеющийся, приспособив его к ситуации, запомнить его, воспроизвести, выбрав нужный момент, не исказив и ничего не напутав, и вызывать тем желаемую реакцию аудитории, причем не только «страсти», то есть любовь, ненависть и их производные, но и движение в поле разнообразных когнитивных установок (убеждение и знание, их виды), относящихся до предмета обсуждения, чем тренировать способность к дедукции, не выходя за границы Флатландии и все рассуждая о четырехугольниках, ромбах и квадратах, студентах и спортсменах, студентах, только что сдавших зачет, спортсменах, издалека кажущихся мухами...

РИТОРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АРГУМЕНТАЦИИ

Добрый коллега: Успокойтесь, пожалуйста. Вы, Глеб Викторович, хотите «риторический подход» к убеждению? Прекрасно. Откройте «Важнейшие», на которые вы так любите ссылаться, и прочтите в главе «Интерпретация и реконструкция аргументации»¹¹, и на русском языке, всё, что касается риторического подхода к аргументации. Или обратитесь к «Аргументации и убеждению» (Лисанюк, 2015), там тоже описывается то, как можно приложить риторику к анализу убеждения...

Г. К.: Спасибо. Собственно из книги 2006 г. я и взял, что С. Фосс (Foss, 2017) выделяет неоаристотелевскую, типологическую, метафорическую и нарративную ветки риторического подхода, затем — анализ, опирающийся на реконструкцию исходной темы рассуждения, кластерный анализ (это Дж. Венцель (Wenzel), и его я бы отметил особо¹²). «Аргу-

готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения *все на свете* — от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого логиста» (Герцен, 1969: 456; курсив мой — Г. К.).

¹¹См.: Реес, Голубев и др., 2006: 222, раздел «Риторика».

¹²Потому что он одним из первых начал писать о том, что, анализируя убеждение, нужно обращать внимание на линию повествования, характер персонажей, способ повествования, его специфические для данной ситуации приемы и проч. Примерно в это же

ментация и убеждение», в свою очередь, рассказывая о риторическом подходе, имеет в виду в основном «Новую риторику»¹³, это тоже важно. Сюда еще можно добавить стратегическое маневрирование ван Еемерена и др., и концепции, делающие ставку на сопряжение Тулминовской модели и топических систем, еще риторические штудии представителей неформальной логики и, наконец, пресловутый радикальный аргументативизм О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра (о котором, насколько знаю, почти ничего нет на русском¹⁴), а также весь сборник «Narration as Argument» (Narration as Argument, 2017) — там нарративный подход, о чем не могло быть сказано в книге 2006 г., по сложности развития превосходит барокко — все это тоже риторика в аргументации.

Добрый коллега: Так чего ж вам еще?...

Г. К.: С одной стороны, вы правы — этого действительно как будто достаточно. С другой стороны, меня несколько смущают большие программы вроде Фишеровской. Я нахожу их неудобными по двум причинам: инструмент, которым хотелось бы воспользоваться, прежде всего — для анализа примеров сродни Снежной королеве и Каю, должен быть доступен, легок в усвоении и потому компактен; вместе с тем, чтобы провести по-настоящему риторический анализ аргумента, нередко нужно освоить экзотическую семиотическую или нарративную концепцию, выступающую основанием собственно риторического арсенала аналитических и оценочных методов (что-нибудь в духе У. Эко с неочевидными заимствованиями из русских формалистов), к тому

время действует и Фишер (Fisher), прямо противопоставляющий Рассела Перельману и заявляющий, что за Перельманом и, собственно, развитым на его основе риторическим анализом — последнее слово, только если мы действительно хотим заниматься анализом и оценкой аргументации, а не ее бледных отражений в виде безжизненных оболочек и форм. О концепции Фишера см. подробнее: Tindale, 2017.

¹³А из современных исследований — ссылается на Н. Колотилову, которая отмечает совершенно справедливо, что одна из заслуг «Новой риторики» — это взгляд на риторические фигуры как на аргументы, и вместе с тем, похоже, искренне считает слова Иисуса «Неправильно это, отнимать у детей еду и бросать собакам», которыми он отвечает на просьбу хананянки исцелить ее беснующуюся дочь, литотой (*sic erat scriptum!*) (Колотилова, 2013: 70).

¹⁴Если не считать пленарного выступления И. Жагара «Аргументация „в языке“ и аргументация „с помощью языка“: что это и как это работает?» (перевод выполнил П. Шапчиц), опубликованного в сборнике *на пружинке* «Общероссийская научная конференция Современная логика 2010», электронные копии которого навсегда осели на жестких дисках кафедральных компьютеров, а бумажные экземпляры — в кафедральных книжных шкафах.

же нередко изложенную пространно и в собрании текстов, значительном по объему¹⁵. Во-вторых, большинство перечисленных подходов все еще укоренены в идеологии¹⁶, которая, понятно, хотя и не отрицает риторику явно, но продолжает понимать ее довольно превратно — по-прежнему в духе «искусства красноречия», «украшения», дополнения к основному блюду, десерта, то есть чего-то желательного, но не необходимого. Еще одно соображение, останавливающее меня от того, чтобы броситься в омут риторических подходов, заключается в самом слове «подход»: как будто, называя какую-нибудь концепцию «подходом», мы тем самым снимаем с себя ответственность на тот случай, если она не достигнет истины, не окажется достаточно эффективной — или достигнет и окажется, но лишь в малой части от того, что ожидалось. «Ничего удивительно, сказываются естественные ограничения подхода, однако есть другой подход, и вот в нем...» — готовы возражать мы. Я утверждаю, что сегодня — и в университетских аудиториях, и, шире, в обществе в целом — нужен не еще один «подход», не еще один способ видения или решения проблемы, наряду с другими доступный и наряду с другими в примерно одинаковой степени правый или неправый, а нечто совершенно иное — то, что в полном смысле слова спасет современную теорию аргументации, оправдывающую все меньше и меньше возлагаемые на нее надежды — тех, кто ее преподает, и тех, кто слушает и старается пускать ее в дело.

ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ АРГУМЕНТАЦИИ НУЖНО СПАСАТЬ

Теория аргументации, как отрасль научного гуманитарного знания и как учебная дисциплина (прежде всего диалектический подход, затем прагма-диалектика и Тулмин, много реже — Перельман или элементы

¹⁵В особенности это касается использования ван Еемереновского стратегического маневрирования — риторического комбайна прагма-диалектики, включающего в себя, как иногда начинает казаться тем, кто пытается применять его впервые, всё, что было сделано в логике и сопредельных дисциплинах за 40–50 лет, начиная от классической логики и заканчивая лингвопрагматическими экзерсисами оксфордских философов пятидесятих годов прошлого века.

¹⁶Идеологически мотивированным и неплодотворным называет разрыв диалектики (лишь только к XIX в. почти всюду и полностью замещенной логикой и затем вернувшейся вполне триумфально на академическую арену в середине XX в. и принявшей за решение проблем, с которыми логика справлялась не вполне удовлетворительно) и риторики ван Еемерен. Подробнее см. его историко-критический анализ отношения диалектики, логики и риторики в: Еемерен, Голубев и др., 2006: 354–356.

неформальной логики), укоренившаяся и в наших университетах, довольно быстро приобрела догматические черты, а кроме того — еще и средства, какими этот догматизм можно маскировать. Например, в уже упоминавшейся книге Д. Уолтона (Walton, 2006), которая является одним из самых популярных пособий по современной теории аргументации (пользователей, вероятно, подкупает относительная легкость употребления предлагаемого аппарата и его универсальный характер — во всяком случае, заявленный) отсутствует определение аргумента, однако под таковым все же понимается трехчастная конструкция, которая сильно напоминает строение умозаключения: посылки — способ их связи — заключение. И этот взгляд на аргумент продвигается как общезначимый (все, что не имеет подобного выражения и подобной структуры — не аргумент) и как все сильный, то есть как такой, с которым можно описать, объяснить и оценить работу почти всех средств убеждения, во всяком случае, пока они обращаются к *ratio* (понятому также весьма догматически — в лучшем случае в механистическом духе, на манер Декарта)¹⁷. Более того, многие догматики от теории аргументации ведут себя так, словно не им надлежит доказывать адекватность неявного определения аргумента, к которому они прибегают, а наоборот — словно скептики, относящиеся к такому определению аргумента с недоверием, основанием которому служит их собственная практика аргументации, обязаны их опровергать. Это, безусловно, не так.

Далее, объясняя необходимость спасения, я бы указал, во-вторых, на то, что упрек во внеисторичности, который, как известно, Р. Рорти адресовал многим аналитическим философам (а значит, и некоторым отцам-основателям теории аргументации), может быть адресован и большинству ее современных подходов. Это хорошо видно на примере схем аргументации: они объявляются моделями аргументов, буквально упавшими с неба, в лучшем случае — подтвержденными многовековой практикой. Впрочем, в специальной литературе¹⁸ все же есть сведения

¹⁷К догматической части любой современной теории аргументации можно отнести и сегрегационный взгляд, разделяющий средства убеждения на аргументы (достойны изучения) и не-аргументы (не достойны изучения), откуда имеем: изображение — это не аргумент (и не его часть); действие — это не аргумент (и не его часть); история, пусть рассказанная кстати и хорошо, — не аргумент, в лучшем случае — лишь то, что поддерживает один из его доводов. Дискуссия, развернувшаяся вокруг так называемой мультимодальной аргументации, порывающей с указанной догмой (*там* уже угасшая, а у нас фактически еще не начинавшаяся), в этом отношении показательна чрезвычайно (см. Kjeldsen, 2015).

¹⁸Например, снова в: Гарссен, Голубев и др., 2006: 120.

о том, что, например, значительная часть схем аргументации Д. Уолтона заимствована им у А. Хастингса, который, в свою очередь, вывел их из С. Тулмина. Тем не менее в целом складывается впечатление, что вся история философии (исключая редкие, отдельные ее эпизоды) вообще прошла мимо тех, кто изучает и преподает теорию аргументации. И если Греция или отдельные персоналии европейского просвещенческого проекта еще как-то упоминаются в соответствующих учебных пособиях и научных статьях¹⁹, то философские концепции XX в., а в особенности те из них, что принадлежат континентальной традиции, — практически никогда (по какому-то, наверное, политическому, если не религиозному соображению). И, что удивительно, такие концепции тем не менее неявно подразумеваются. Так, например, довольно очевидно влияние Р. Барта и его «смерти автора» на практику поиска аргументов, когда смысл написанного извлекается, собственно, исключительно из написанного, а создатель текста, исторические условия, сопутствующие созданию, вообще контекст — остаются вне пределов внимания как нечто, что является нелогическим параметром и должно интересовать литературного критика или культуролога, но не специалиста по аргументации²⁰.

Наконец, культ формы, стремление соответствовать математике и особенно логике во всем, хотя бы внешне, оборачиваются для теории аргументации редуccionизмом и элиминацией части того предмета, которым она должна заниматься, когда убеждение начинает расцениваться исключительно как демонстрация во вполне математическом смысле. Сюда же относится и нередко навязчивое использование формализмов, вызванное не столько стремлением уточнить мысль, сколько желанием избавиться от клейма не- или, еще хуже, псевдонаучности.

Вот почему сегодня «подход» в нашей области — это эвфемизм для догматизма, вне- или даже антиисторизма, нередко — формализма, который здесь следует понимать как редуccionизм. Риторика я считаю не

¹⁹Исключением в этой области можно назвать статью А. С. Бобровой (Боброва, 2022) в книге, включающей первое издание кантовской «Венской логики» на русском, где рассматриваются в связи друг с другом традиции критической философии и ряд современных дисциплин, в том или ином виде раскрывающих содержание понятия критического мышления.

²⁰Связь современной теории аргументации, и в части ее теоретических основ (догматов), и в части их практического воплощения на конкретном материале, с литературной критикой и ее отдельными школами заслуживает специального изучения и публикаций на русском. Предполагаю, что здесь нас всех ждет немало открытий.

еще одним «подходом», а тем, что спасает теорию и практику аргументации от указанного: она спасает от догматизма, поскольку предлагает смотреть на аргумент не только как на умозаключение (хотя и такой взгляд не считается чем-то неприемлемым: риторика — за видовое разнообразие убеждающих конструкций); она спасает от антиисторизма, так как явно указывает на происхождение своих инструментов и их зависимость от исторического контекста и идеологии характер; от формализма и редукционизма — потому что практикует непосредственное взаимодействие со сказанным и написанным и выступает за бережное с ним обращение, исключаящее замену реальных действующих лиц и мыслей, которые они высказывают, куклами нелогических параметров.

РИТОРИЧЕСКАЯ АРМИЯ СПАСЕНИЯ ДЕЙСТВУЕТ ПРЯМО СЕЙЧАС

Теперь нам осталось только начать. Фактически *там* это уже сделано, и не только Перельманом. Интересно, что сближение аргументации и риторики — это движение, совершающееся и в том, и в другом лагере: относительно недавно специалисты в области аргументации представили свой взгляд на риторику в журнале «Argumentation»²¹; риторы высказались об аргументации много раньше в «Philosophy & Rhetoric»²². Помимо этого, обращают на себя внимание возникшие в последнее время работы Дж. Фанешток (Fahnestock, 2004), Р. Харриса (Harris, 2013), М. Крауса (Kraus, 2007), К. Плантена (Plantin, 2009) и А. Меленбахер (Mehlenbacher, 2017) — они объединены одной темой, поскольку в них отстаивается взгляд на риторические фигуры как на аргументы, убеждающие конструкции, действие которых не просто не исчерпывается украшением речи или не сводится к нему, но прямо направлено на перемену мнений, причем отнюдь не только по общественным вопросам или вопросам художественных предпочтений.

Так, Дж. Фанешток утверждает, что фигура — это сокращенная форма аргумента, представляющая его в силу структурного или качественного сходства (Fahnestock, 2004: 125). На примере параллелизма и его разновидности (антиметаболы) Фанешток показывает, как эти (вчерашние) фигуры используются в познавательной и убеждающей практике: они представляют в сжатом виде или подготавливают сравнения, выступают формами, в которых делаются заявления о частных случаях, и служат тем самым основанием наведения (индукции), используются

²¹См. спецвыпуск за 2020 г.: Vol. 34, no. 3.

²²См. спецвыпуск за 2013 г.: Vol. 46, no. 4.

для заявлений о тождестве, об обратной зависимости и для проверки определений. При этом, в отличие от некоторых современных книг по аргументации, материалом у Фанешток служат не выдуманные специально для целей анализа тексты, а настоящие, то есть не подготовленные для комфортной аналитической работы статьи А. Кекуле, Г. Менделя и А. Лавуазье.

Р. Харрис, стоя на плечах У. Бута и в особенности К. Берка (который был занят риторическими изысканиями еще с середины XX в., то есть до обновления риторики, возвышения Перельмана и деятелей бельгийской Группы μ , их широко известной «Общей риторики»), продолжает линию Фанешток, когда показывает на обширном материале, куда входят естественнонаучные работы Р. Коха и Г. Менделя, что метафора, синекдоха, метонимия, ирония и некоторые другие фигуры (в частности, градация и диáфора) обладают рациональным убеждающим эффектом. Иногда это продолжение доходит до утверждений весьма революционных: так, первая фигура простого категорического силлогизма объявляется сочетанием э́пистрофы (повтор большего термина в посылке и заключении), а́нафоры (повтор меньшего термина в посылке и заключении) и поли́птотона (повтор среднего термина).

К. Плантен развивает риторические наблюдения касательно убеждающих эффектов разновидностей фигур выбора, присутствия и сопричастности, а А. Меленбахер рассуждает о машинном способе извлечения из текста такой фигуры, как пролепсис, с целью автоматического описания и оценки ее убеждающей функции.

Хорошей иллюстрацией ревизионистских настроений в области риторики, выливающих в необходимость пересмотра основных определений теории аргументации (прежде всего для аргумента и схемы), служит тезис М. Крауса о том, что в качестве аргумента следует мыслить фигуру, известную с древних времен под именем контраста.

СОЛДАТ КРАУС: КОНТРАСТ — ЭТО АРГУМЕНТ

Размышляя над тем, как дан контраст в «Риторике для Геренния» (далее — РГ), в «Наставлениях оратору» (далее — НО) Квинтилиана и в «Топике» Цицерона, Краус отмечает, что, по-видимому, во всех этих случаях у античных авторов не было однозначного понимания той роли, какую играет контраст в рассуждениях и речах. Однако, вероятнее всего, за ним следует записать все же отнюдь не одну только орнаментальную функцию, свойственную, как обыкновенно и неправильно считают, большинству фигур. Аргументация Крауса основана на скрупулезном

изучении трех латинских текстов, из которых на русском очень давно доступен Квинтилиан²³, давно — Цицерон (Цицерон, Кузнецов, 1994) и с недавних пор — самый древний из дошедших до нас и наиболее полный риторический учебник на латинском языке ([Цицерон], Зверев и Голубева, 2022)²⁴.

Основные доводы в пользу утверждения «контраст есть (не фигура мысли, а) аргумент» заключаются в следующем. Действительно, в РГ говорится, что контраст принадлежит к числу фигур, однако действует контраст так, что с его помощью, «обращаясь к одному, быстро и легко доказывают противоположное»:

«Итак, как и следовало ожидать, тот, кто всегда пренебрегал собственными интересами, не будет уважать интересы другого?» Также: «Итак, почему следует думать, что тот, кто является, как ты уже понял, неверным другом, может быть благородным врагом?» Или... (там же: 109).

— всего шесть следующих друг за другом примеров таких доказательств, которые заменяют автору РГ дальнейший анализ или комментарии к данному им определению.

Как видно, и эти, и все прочие примеры построены не просто на противоположностях; каждый из них является структурой, где утверждения объединены отношением, напоминающим отношение логического следования. В самом деле, в первом примере, по-видимому, говорится, что если некто не принимал в расчет свои собственные интересы, то и с интересами других он считаться не будет; во втором — что из утверждения о том, что некто зарекомендовал себя как неверный друг, следует, что едва ли он проявит благородство в том случае, когда сделается врагом... Этим контраст принципиально отличается от сходных приемов, также

²³В переводе А. Никольского, к сожалению, неполном (Квинтилиан, Никольский, 1834). В частности, перевод фрагмента из 10-й главы книги 5, наиболее важного для тезиса, который отстаивает Краус, отсутствует. Эти пробелы я вынужден заполнять самостоятельными переводами, сделанными с английского текста НО, выпущенного «Loeb Classical Library» около века назад (перевод Х. Батлера) (Quintilian, Butler, 1920/1922). Прошу читателей извинить мне незнание латинского, как они, вероятно, извиняют это, например, Ф. Йейтс, заявляющей на первой странице «Искусства памяти», что и ее Квинтилиан — не римлянин, а только англичанин, и притом тоже Батлеровский. (В 2025 году вышел первый полный перевод книги 1 НО (Квинтилиан, Драчева, 2025) — к сожалению, уже после того, как была сдана данная статья.)

²⁴Или этот текст все же не принадлежит Цицерону? На этот счет единой точки зрения нет: см. вступительную статью в первом русском издании «Риторики для Геренния» (Зверев и Голубева, 2022).

присутствующих в риторической номенклатуре РГ — антитезиса как фигуры речи, построенной на резком противопоставлении именно слов (не утверждений), и от антитезиса как фигуры мысли, где противоположные мысли не выводятся одна из другой, а «сталкиваются в сравнении» ([Цицерон], Зверев и Голубева, 2022: 133)²⁵. Характеристику контраста автор РГ заключает словами о том, что эта фигура «принуждает согласиться с тем, что автор собирается доказать». Таким образом, контраст как бы содержит в себе некий убеждающий потенциал, не связанный исключительно с «услаждением слуха», и он есть нечто большее, чем близкая ему по структуре антитеза, которая лишь украшает стиль, придавая ему «величие и выразительность».

Еще больше отходит от обыкновенного понимания контраста как риторической фигуры Квинтилиан, так как он утверждает, что *contrario*, контраст, есть латинское обозначение для того, что греки называли ἐνθύμημα, энтимемой²⁶. Более того, в параграфах 1–3 главы 10-й книги 5 НО можно прочитать, что за словом «энтимема» закрепилось тройкое значение: это нечто, что представляется в уме; это утверждение с обоснованием; это заключение аргумента, выведенное или из отрицания следствий, или из несовместимостей. Квинтилиан отмечает, что в этом последнем моменте есть разногласия, так как одни авторы заключение, выведенное из следствий, называли эпихейремой (а не энтимемой), в то время как другие придерживались взгляда, в соответствии с которым энтимема — это (только) заключение из несовместимостей. Например, пишет Квинтилиан, контрастом или аргументом из противоположностей называл энтимему Корнифиций²⁷. Иллюстрацией контраста-энтимемы может служить отрывок из «Речи в защиту Милона» Цицерона, который воспроизводится в НО²⁸: «Значит, вы заседаете здесь, чтобы

²⁵В самом деле, из «вы сокрушаетесь о своей судьбе» не следует «в этом мошеннике растет уверенность в его собственной» (взятый из РГ пример пары утверждений, составляющих антитезис-фигуру мысли), и тем более из «с врагами ты отходчив» не выводится «с друзьями — неумолим» (части, из которых составлена антитезис-фигура речи).

²⁶По данным «Liddell-Scott-Jones», толкового словаря греческих слов с переводами в том числе на русский, в разделе «Russian (Dvoretzky)» статьи ἐνθύμημα читаем: п. 5 — «энтимема, риторическое, то есть предположительное умозаключение» и п. 6 — «энтимема, умозаключение от противного», см.: https://lsj.gr/wiki/ἐνθύμημα&Russian_.28Dvoretzky.29.

²⁷Вероятнее всего, речь идет о Луции Корнифиции, политическом деятеле времен Октавиана Августа, которому иногда ошибочно приписывалось авторство РГ.

²⁸И который я могу дать в уже существующем переводе (Цицерон, Горенштейн, 1962: 245).

отомстить за смерть того, кого — будь это в вашей власти — вы отказались бы вернуть к жизни?»

Наконец, последние сомнения в том, что контраст есть не более чем фигура мысли или речи, Краус надеется развеять разбором пассажей из Цицероновой «Топики», на которую неявно в своих рассуждениях об энтимеме опирался и Квинтилиан. Во фрагментах 54–56 Цицерон, со ссылкой на третий, не подлежащий доказательству силлогизм стоиков (то есть на форму, где $\sim q$ выводится из $\sim (p \& q)$ и $\sim p$), формулирует определение для энтимемы:

По третьему способу риторы строят заключения из противоположностей, называя их *ἐνθυμήματα* [...] хотя всякое суждение может быть названо *ἐνθυμήμα*, но только то, которое складывается из противоположностей и является самым сильным, завладевает этим общим наименованием как собственным (Цицерон, Кузнецов, 1994: 69).

За этим, как и в тексте РГ, следуют примеры, среди них: «Этого страшиться — другого в страхе не держать!» Краус утверждает, что такое суждение может быть развернуто в рассуждение следующим образом: неверно, что следует страшиться одного, но при этом не испытывать страх и в отношении другого; первого ты страшишься; значит, ты должен бояться и другого (Краус, 2007: 9).

Таким образом, изучая и сравнивая тексты первоисточников, мы можем удостовериться в следующем: во-первых, действительно, во всех трех случаях на первое место ставится не украшение стиля, для чего, как мы привыкли думать, и должны применяться риторические фигуры, а убеждение, причем устроенное, по возможности, в силу специфики приема, как можно лучшим образом — действующее сильно и не допускающее возражений. Во-вторых, основой такого убеждения всюду выступают логические формы: в «Топике» они даны наиболее явным образом, в двух других текстах — как отношение, подобное отношению логического следования, причем в РГ контраст связывает как бы посылку и заключение, в то время как в НО несовместимость возникает внутри одной из посылок и связывает ее элементы.

А ВСЕ ПРОЧИЕ ФИГУРЫ — ЭТО ТОЖЕ АРГУМЕНТЫ?

Не совсем. Но то, что увидел Краус в контрасте, удастся обнаружить и в других частях древнего риторического хозяйства. Так, если

обозреть все 63²⁹ фигуры речи и мысли из РГ, то можно заметить, что они могут быть разбиты на те же самые группы, на которые Аристотель разбивает «способы убеждения, доставляемые речью» в самом начале своей «Риторики» (1356a). Действительно, например об *анафоре*, *традукции* или *рассуждении посредством вопроса и ответа* в РГ говорится, что все они служат украшением стиля, то есть воздействуют на чувства аудитории, вызывая в ней удовольствие и тем самым косвенно склоняя ее на сторону позиции, отстаиваемой оратором. Еще более явно описана работа как доводов именно к страстям *апострофы* (вселяет печаль или негодование в слушателя), *удвоения*, *разрешения* и *описания* (все они служат для того, чтобы вызвать жалость) или *уподобления* — тогда, когда оно используется для порицания (в этом случае уподобление рождает в слушателе чувство ненависти).

Вместе с тем такой прием, как *откровенность*, как это отмечено в тексте РГ, создает впечатление, что выступающий расположен к слушателям и что все, о чем он заботится — это истина. Другими словами, благодаря откровенности начинает казаться, что оратор настроен серьезно. Прием *принижения* позволяет избежать антипатии аудитории и ее зависти; это способ, каким оратор стремится заслужить одобрение своих слушателей, так как тем самым он показывает им свою скромность. Обращаясь к такому приему, как *выбор*, который заключается в том, что оратор «кажется, спрашивает, какое из двух или более слов ему было бы лучше выбрать», удается притвориться лишенным излишней уверенности и тем указать на свою осторожность. Таким образом, используя *откровенность*, *принижение* и *выбор*, выступающий убеждает свою аудиторию в том, что он серьезен, скромен и осторожен, то есть обладает полным набором ораторских добродетелей.

Наконец, вот некоторые из упомянутых в РГ приемов, в большей степени соотносимые не с нравом и не со страстями, а с существом дела, отраженным в речи: *постановка вопроса* усиливает аргумент, который только что был представлен; *сентенция* вызывает молчаливое одобрение слушателей; *хиазм* создает мнимые следствия между суждениями; прием, именуемый в РГ *выводом*, «посредством краткого аргумента выводит необходимые следствия того, что было сказано или сделано ранее».

²⁹Во вступительной статье к русскому изданию «Риторика для Геренния» дан их список, правда, с пропуском фигуры постановки вопроса между апострофой и рассуждением (см. Зверев и Голубева, 2022: 19).

Да, большинство риторических приемов, описание которых составляет главу 4 РГ, — это приемы, украшающие стиль; на втором месте по их числу располагаются те, что обслуживают страсти, затем — усиливающие довод, высказанный по существу дела (среди них контраст), и на последнем месте — приемы, которые показывают нрав оратора. Однако следует заметить, что в списке есть и такие приемы, назначение которых явно не указано. Это, например, эпифора или симплока, колон или период... Есть и те, функция которых обозначена лишь косвенно, посредством отрицательной рекомендации. Так, об изоколоне, гомеотелевтоне и параномазии (все они, в общем, сводятся к тому, чтобы добиться непосредственного акустического эффекта и, опосредованно, эстетического, а иногда и когнитивного — употреблением равного количества слогов в частях фразы, или созвучием слов) сказано, что злоупотребление ими влечет потерю серьезности оратором.

Помимо этого, в списке присутствуют фигуры, описание действия которых, как кажется, и вовсе ошибочно. Яркий пример такой атрибуции — прием разделения, о котором сказано, что он «украшает стиль» ([Цицерон], Зверев и Голубева, 2022: 128). В то же время, если судить по примерам разделения, оно есть не что иное, как вид лемматического заключения. Так, разделение «зачем я вообще на тебя набрасываюсь? Если ты честный — ты этого не заслужил, если дурной — тебя не проймешь» есть, очевидно, пример сложной конструктивной дилеммы.

Вместе эти асимметрия групп приемов, отсутствие атрибуции, в некоторых местах предположительно неверное описание существа действия приема, случай с контрастом, весьма убедительно данный Краусом, равно как и явные противоречия в тексте³⁰, говорят не только о том, что список фигур из книги 4 РГ следует подвергнуть тщательному пересмотру, но и о том, что пересмотра требуют сами определения фигур³¹

³⁰ Например, в РГ сказано, что фигуры речи полируют недостатки языка ([Цицерон], Зверев и Голубева, 2022: 105), а ниже — что вопрос, одна из таких фигур, усиливает аргумент — то есть касается доводов, относящихся к существу дела, не страстей и даже не нравов. А еще ниже, в самом конце книги, снова говорится о том, что изложенный материал (в том числе указанный прием-вопрос) касается принципов украшения стиля (там же: 142). Такими непоследовательностями в понимании назначения фигур текст РГ изобилует.

³¹ См., например, определение фигуры, предложенное в комментарии А. Тахо-Годи к «Риторике» Аристотеля: это риторическая конструкция, создающая и усиливающая выразительную речь путем изменения именно ее структуры (Античные риторика, 1978: 327). Как в свете показанного Краусом, так и исходя из моих наблюдений над списком «фигур» из книги 4 РГ ясно, что это определение никуда не годится.

с ее видами, а также (в сравнении с первым) определения довода или аргумента, данные в современной теории аргументации, как я указывал, весьма догматически. Косвенное подтверждение этому требованию дает не только практика анализа и оценки речей и ловушки (подобные Снежной королеве и Каю), из года в год одни и те же, в которые попадают те, кто стараются непосредственно прилагать подразумеваемые определения аргумента или схемы аргументации к рассуждениям, но и весьма поверхностное, однако неумолимое наблюдение: для обозначения риторической фигуры древние использовали слово *σχήμα* (что означает и форму, и схему, и фигуру: математическую, умозаключения, танца), которое только ко времени написания НО, и прежде всего стараниями Квинтилиана, было вытеснено латинским *figura*.

КУРС ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРГУМЕНТАЦИИ:

СТРЕСС И РАЗОЧАРОВАНИЕ

Давайте вернемся в нашу студенческую аудиторию, где нас ждут те, кто желает сформировать теоретические знания и практические навыки, нацеленные на анализ, оценку и создание содержащих аргументацию текстов, и овладеть правилами ведения аргументированных диалогов в речи и на письме. Основными средствами, служащими достижению этой цели, объявляются: схемы аргументации, структуры аргументации, понятия точки зрения, невыраженной посылки, ошибки. Основа основ — схемы. Знание их дедуктивных и индуктивных разновидностей достигается в курсе логики. Оставшимися, недедуктивными и неиндуктивными схемами занят собственно курс аргументации. Мы хорошо помним, что теоретически они должны: помогать находить аргументы и, наоборот, служить моделями построения новых; предлагать инструменты оценки найденного; описывать «аргументативную компетентность» носителя языка. На практике эти схемы, как правило, служат лишь источником стресса у обучающихся, когда те видят, что в предложенных или в найденных самостоятельно, в соответствии с заданием, текстах искомым схем почти нет, что несомненное убеждающее воздействие не описывается в их терминах на большей части материала и тем не менее явно имеет место, что одна-две найденные схемы приблизительно на 500 слов как результат аналитической работы заставляют очень быстро разувериться в их аналитическом потенциале.

Помимо этого, в значительной своей части схемы служат источником скуки, когда их предлагается использовать как средство оценки найденных аргументов, так как большинство проверочных вопросов, которые

они предлагают, воплощают базовое, даже обывательское представление о том, что такое здравый смысл и как он должен действовать в разнообразных житейских ситуациях, — представление, которое приобретает себе всякий не то что в университете, а в самом начале жизненного пути, руководствуясь в этом хотя бы пословицами и поговорками, ходячими мнениями, нередко справедливыми. Естественно, следует заручиться мнением нескольких специалистов, особенно в том случае, если, например, дело касается своего здоровья и цена неправильного решения высока — вариация проверочного вопроса № 5 схемы к экспертному мнению (Walton, 2006: 88); ну, разумеется, если все станут прыгать со скалы, то это еще не повод к ним присоединиться — вариация проверочного вопроса № 2 схемы к распространенному поведению (*ibid.*: 94), и т. п. Оправданием этому материалу может служить лишь систематичность изложения всей этой «критической мудрости»³².

Выхолощенные, формально-ориентированные, полуживые и негибкие оболочки, схемы аргументации причиняют множество страданий тем, кто действительно не так хорош в аргументации, как хотел бы, или вызывают насмешки (впрочем, это много реже — сказывается пиетет массы к высшей школе) тех, кто горазд рассуждать и спорить — от природы, или в силу внезапного практического проявления привычки к чтению, или из-за какой-либо другой подготовки, составившей отличительную особенность биографии. Напротив, и последние исследования в области риторики и искусства убеждать, и классические работы, раздерганные на цитаты и потому до сих пор не прочитанные основательно (почти не переведенная «Новая риторика» Перельмана, вовсе не переведенная работа «The Uses of Argument» Тулмина), и древние тексты (доступный, по сути, только во фрагментах Квинтилиан или «Тописка» Цицерона, существующая на русском лишь 30 лет, то есть до смешного мало) показывают одно: риторические убеждающие модели, известные под именем некоторых фигур, распространяющие свое влияние далеко за пределы задач, связанных с обработкой языка, в сравнении со схемами аргументации служат куда более универсальным и надежным инструментом поиска и анализа способов рассуждать и доказывать, убеждать

³²Впрочем, диалектический подход в духе Уолтона в настоящее время подвергается серьезной критике, которую невозможно оставить без внимания ни специалисту-теоретику в области аргументации, ни тому, кто занят воплощением соответствующих построений в академической аудитории на практике. См. Lumer, 2022: 230.

и спорить. К тому же они оказываются просто незаменимы, когда нужно разбирать судебные речи, реальные или вымышленные (например, американские судебные драмы середины прошлого века, которым составит конкуренцию разве что собрание отечественных судебных ораторов века позапрошлого; впрочем, и то и другое заслуживает самого широкого использования в образовательном процессе как риторический материал высочайшего качества), или когда в лабораторию исследования убеждающего воздействия вносится с благоговением речь над павшими афинскими воинами Перикла (может статься, что Перикл говорил *без схем?*), или, наконец, когда предметом внимания становятся споры, что ведут посетители французских аристократических салонов, во всех подробностях описанные О. Бальзаком или М. Прустом, участникам которых, понятно, не была знакома ни Уолтонова премудрость, ни Перельман, но которые, скорее всего, имели кое-какое представление о риторике и, как все французы, особенно ценили момент, когда можно «сказать фразу».

Я ЗНАЮ, ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ!

В этой статье я постарался показать, что если (следуя отечественной традиции, заложенной в 1970-е гг. или даже раньше, возникшей на волне развития математической логики, кибернетики и вообще веры в научно-технический прогресс и вычислительные машины) продолжать игнорировать риторику, то сегодня, занимаясь нахождением и анализом аргументов, едва ли удастся достичь больших успехов, не испортив при этом материала (анализируемые тексты) и не утратив при этом способности рассуждать не догматически. Напротив, забвение слогана об «искусстве красноречия», признание за риторикой возможности не просто удовлетворительно, а лучше, чем современная теория аргументации, исполнять убеждающие функции, наконец, возвращение риторики на ее незаслуженно потерянное место в структуре учебных планов гуманитарных направлений университетов, и не просто на правах *плагина* к программе аргументации, а как главной дисциплины, занятой убеждением (а это наиболее ожидаемые практические следствия систематического пересмотра риторик классической древности — риторического ревизионизма, возникшего относительно недавно, но уже принесшего свои первые теоретические плоды), предоставит в наше распоряжение убеждающее орудие, которое не просто годится для забав палестры, а может быть прямо использовано в бою.

В этой статье я утверждал, что первое, что нужно сделать нам, чтобы продвинуться в указанном направлении и получить желаемое, — это систематически исследовать наборы схем, которые сегодня ассоциируются с той или другой современной школой аргументации, чтобы обнаружить в них элементы древнего риторического хозяйства, сделать их использование явным, снабдить его правилами, снова заимствованными у древних, — как и хрестоматийными примерами-образцами, на которые можно равняться, которым можно в меру подражать. В самом деле, Уолтоновский *argument from expert opinion*, аргумент к мнению эксперта, обладает сходством с просопопеей, с фигурой, действие которой заключается в как бы выведении на сцену отсутствующих лиц, чьи слова обладают большим весом, чем слова самого оратора и автора схемы, а, например, аргумент «скользкий склон», разновидность схемы к отрицательным последствиям по Уолтону, есть не что иное, как фигура ипотипозиса, или тщательное описание цепи последствий и как можно более точное исчисление всех подробностей грядущего разразиться ужасного происшествия и его причин.

Но эта задача — только службишка, не служба. О последней же, как о задаче, центральной для риторического ревизионизма, перенесенного на отечественную почву, я не могу судить сейчас достаточно ясно (учитывая хотя бы объем литературы — исследовательской и первоисточников, это удел целого научного коллектива), однако я все же различаю пару идущих к делу фактов, в сопоставлении небезынтересных.

Как отмечают и Дж. Фанешток, и У. Гарвей, и И. Кеплер, и У. Гильберт, и другие философы-естественники, все учились (думать и рассуждать) по книгам раннего Нового времени, подобным «Изобретению диалектики» Г. Агриколы и риторическим сочинениям Ф. Меланхтона. О «быстром разуме Невтоне» у Фанешток прямо сказано, что тот штудировал и знал Р. Сандерсона, его «*Logicae Artis Compendium*» 1615 г. — переложение Меланхтоновой «*Erotemata Dialectices*» (Fahnestock, 2004: 121).

В то же время в основу первой русской «Риторики», созданной в 1620 г. Макарием, положен перевод другого сочинения того же Меланхтона, его краткой риторики, «приспособленной к русским условиям и соответственно переработанной» (Вомперский, 1988: 14).

Таким образом, своей «Логике Пор-Рояля», которая, как известно, вытеснила со временем учебник Сандерсона и прославилась прене-

брежительным отношением к риторике древних³³, у нас, кажется, не было; но вот своя «Риторика», содержащая дисциплину, которая ориентирована на решение задач, не сводящихся к тому, чтобы «красно говорить и писать», получается, была. Учитывая последние ревизионистские достижения, сделанные в отношении «Риторика для Геренния» и «Наставлений оратору», рискну предположить, что не меньше может быть сделано и здесь, в свете потребностей современных университетов в работающих курсах теории аргументации.

Вот это могло бы стать службой. Но назначить ее самому себе невозможно, да и справиться с ней в одиночку едва ли получится.

ЛИТЕРАТУРА

- Античные риторика / под ред. А. А. Тахо-Годи. — М. : Московский университет, 1978.
- Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить / пер. с фр. В. П. Гайдамаки. — М. : Наука, 1997.
- Боброва А. С. «Венская логика» XVIII века и неформальная логика XX–XXI веков // Венская логика / И. Кант ; под ред. А. Н. Круглова ; пер. с нем. А. М. Харитоновой, Л. Э. Крыштоп. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. — С. 161–187.
- Важнейшие концепции теории аргументации / под ред. А. И. Мигунова ; пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. / под ред. Н. И. Толстого. — М. : Наука, 1988.
- Гарссен Б. Схемы аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации / под ред. А. И. Мигунова ; пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С. 99–112.
- Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Три трактата об ораторском искусстве / Цицерон Марк Туллий ; пер., под ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Наука, 1972. — С. 7–73.
- Герцен А. И. Былое и думы. Части 1–5. — М. : Художественная литература, 1969.
- Емерен Ф. ван. Современное состояние теории аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации / под ред. А. И. Мигунова ; пер. с англ.

³³См. замечания Арно и Николь по поводу фигурального стиля (Арно и Николь, Гайдамака, 1997: 73–74) и особенно — их комментариев касательно топических систем, которые, если их применять на практике, не только потворствуют тщеславию, вызванному демонстрацией способности рассуждать о чем угодно, но и развивают «порок ума, значительно худший, чем глупость» (там же: 189–190).

- В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С. 14–33.
- Зверев С. Э., Голубева Е. Ю.* Римская судебная риторика I века до н. э. // Первая судебная риторика. «Риторика для Геренния» («Ad Herennium») / [М. Туллий] ; под ред. Л. В. Шабанова ; пер. с лат. С. Э. Зверева, Е. Ю. Голубевой. — СПб. : Алетейя, 2022. — С. 5–20.
- Квинтилиан.* Обучение оратора. Книга 1 : О начальном обучении и школе грамматика / под ред. М. В. Шумилина ; пер. с лат. Н. В. Драчевой. — М. : Дело, 2025.
- Квинтилиан Марк Фабий.* Двенадцать книг риторических наставлений / пер. с лат. А. Никольского. — СПб. : Типография Императорской российской академии, 1834.
- Колотилова Н. А.* Риторические фигуры как средства аргументации // Идеи и идеалы. — 2013. — Т. 2, № 3. — С. 65–71.
- Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. — М. : Наука, 1975.
- Лисанюк Е. Н.* Аргументация и убеждение. — СПб. : Наука, 2015.
- Реес М. ван.* Интерпретация и реконструкция аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации / под ред. А. И. Мигунова ; пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С. 198–238.
- Цицерон Марк Туллий.* Речи. В 2 т. Т. II. 62–43 гг. до н. э. / под ред. В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек ; пер. с лат. В. О. Горенштейна. — М. : Академия наук СССР, 1962.
- Цицерон Марк Туллий.* Топика / пер. с лат. А. Е. Кузнецова // Эстетика. Трактаты, речи, письма / пер. с лат. М. Л. Гаспарова [и др.]. — М. : Искусство, 1994. — С. 56–81.
- Fahnestock J.* Figures of Argument // Informal Logic. — 2004. — Vol. 24, no. 2. — P. 115–135.
- Foss S. K.* Rhetorical Criticism : Exploration and Practice. — Long Grove, Illinois : Waveland Press, 2017.
- Harris R.* Figural Logic in Gregor Mendel’s “Experiments on Plant Hybrids” // Philosophy & Rhetoric. — 2013. — Vol. 46, no. 4. — P. 570–602.
- Kjeldsen J. E.* The Study of Visual and Multimodal Argumentation // Argumentation. — 2015. — Vol. 29. — P. 115–132.
- Kraus M.* From Figure to Argument : Contrarium in Roman Rhetoric // Argumentation. — 2007. — Vol. 21. — P. 3–19.
- Lumer C.* An Epistemological Appraisal of Walton’s Argument Schemes // Informal Logic. — 2022. — Vol. 42, no. 1. — P. 203–290.
- Mehlenbacher A. R.* Rhetorical Figures as Argument Schemes—The Proleptic Suite // Argument & Computation. — 2017. — Vol. 8. — P. 233–252.
- Narration as Argument / ed. by P. Olmos. — Amsterdam : Springer, 2017.

- Plantin C.* Un lieu pour les figures dans la théorie de l'argumentation // *Argumentation et Analyse du Discours*. — 2009. — Т. 2. — P. 1–17.
- Quintilian.* *Institutio oratoria* / Penelope UChicago ; trans. by H. E. Butler. — 1920/1922. — URL: https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Quintilian/Institutio_Oratoria/home.html.
- Tindale C.* *Narratives and the Concept of Argument* // *Narration as Argument* / ed. by P. Olmos. — Amsterdam : Springer, 2017. — P. 11–30.
- Walton D.* *Fundamentals of Critical Argumentation*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
- Туллуш [Т. М.]* Первая судебная риторика. «Риторика для Геренния» («Ad Herennium») / под ред. Л. В. Шабанова ; пер. с лат. С. Э. Зверева, Е. Ю. Голубевой. — СПб. : Алетея, 2022.

Karpov, G. V. 2025. "Teoriya i praktika argumentatsii [The Theory and Practice of Argumentation]: my popali ne tuda, kuda dumali [We Got to the Wrong Place]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (1), 229–257.

GLEB KARPOV
PHD IN PHILOSOPHY
ASSOCIATE PROFESSOR
INSTITUTE OF PHILOSOPHY

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY (SAINT PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-4346-1117

THE THEORY AND PRACTICE OF ARGUMENTATION

WE GOT TO THE WRONG PLACE

Submitted: Apr. 04, 2024. Reviewed: May 26, 2024. Accepted: Feb. 22, 2025.

Abstract: The article deals with the difficulties faced by educators, who teach "Theory and Practice of Argumentation" discipline in Russian universities today. The author argues that almost all modern mainstream argumentation theories fail to satisfy the practically oriented demand of their users, which is to identify and analyze arguments "in the wild". It is proposed to fix this situation with the help of revisionism, which in this case is considered a research activity aimed at revising the basic concepts of classical rhetoric and logic in order to discover their analytical potential, as expected, is not at all outdated nowadays and is suitable for solving the problems of identifying and analyzing arguments to a much greater extent than the means that modern argumentation theory offers for this purpose. Using the claim "rhetorical figure is an argument" as a clue, the article explores the foundations of the revisionist enterprise, suggests directions for future work, and shows how moving along these lines will give our students the opportunity not to play the game of argumentation but, once they leave universities, to participate freely and genuinely in it. The article consists of nine paragraphs. The first paragraph shows what happens if we ignore rhetoric in argumentation identification and analysis; the second paragraph shows what happens if we ignore rhetoric in activity of creating texts and making speeches; the third paragraph gives a first review of the

most obvious literature on the subject, while the fourth argues for the argumentation theory redemption from its four sins: dogmatism, unhistoricity, formalism, and reductionism; the fifth paragraph offers a second review of the literature not so obvious; the sixth paragraph explains why at least some rhetorical figures are now conceived as arguments; the seventh paragraph summarizes the thesis of the previous paragraph on the basis of “Rhetoric for Herennius”; the eighth assesses the role that schemes play today in the argumentation course, and the ninth summarizes what has been said, and describes how to follow these research routes of rhetorical revisionism.

Keywords: Argumentation Scheme, Rhetorical Figure, Argumentation Analysis, Approaches in Argumentation, Teaching Argumentation.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-1-229-257.

REFERENCES

- Arnauld, A., and P. Nicole. 1997. *Logika, ili iskusstvo myslit' [La logique ou l'Art de penser]* [in Russian]. Trans. from the French by V. P. Gaydamaka. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Bobrova, A. S. 2022. “‘Venskaya logika’ XVIII veka i neformal'naya logika XX–XXI vekov [‘Vienna Logic’ of the XVIII century and informal logic of the XX and XXI centuries]” [in Russian]. In *Venskaya logika [Wiener Logik]*, by I. Kant, ed. by A. N. Kruglov, trans. from the German by A. M. Kharitonova and L. E. Kryshopt, 161–187. Moskva [Moscow]: Kanon+ROOI “Reabilitatsiya”.
- Cicero Marcus Tullius. 1962. *62–43 gg. do n. e. [62–43 BC]* [in Russian]. Vol. II of *Rechi [Orations]*, ed. by V. O. Gorenshteyn and M. Ye. Grabar'-Passek, trans. from the Latin by V. O. Gorenshteyn. 2 vols. Moskva [Moscow]: Akademiya nauk SSSR [USSR Academy of Sciences].
- . 1994. “Topika [Topica]” [in Russian]. In *Estetika. Traktaty, rechi, pis'ma [Aesthetics. Treatises, Speeches, Letters]*, trans. from the Latin by A. Ye. Kuznetsov, 56–81. Moskva [Moscow]: Iskusstvo.
- . 2022. *Pervaya sudebnaya ritorika. “Ritorika dlya Gerenniya” (“Ad Herennium”)* [Rhetorica ad Herennium] [in Russian]. Ed. by L. V. Shabanov. Trans. from the Latin by S. E. Zverev and Ye. Yu. Golubeva. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Eemeren, F. H. van. 2006. “Sovremennoye sostoyaniye teorii argumentatsii [The Current State of Argumentation Theory]” [in Russian]. In *Vazhneyshiy kontseptsii teorii argumentatsii [Crucial Concepts in Argumentation Theory]*, ed. by A. I. Migunov, trans. from the English by V. Yu. Golubev, S. A. Chakhoyan, and K. V. Gudkova, 14–33. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Filologicheskii fakul'tet SPbGU [Philological Faculty of SPbU].
- Fahnestock, J. 2004. “Figures of Argument.” *Informal Logic* 24 (2): 115–135.
- Foss, S. K. 2017. *Rhetorical Criticism: Exploration and Practice*. Long Grove, Illinois: Waveland Press.
- Garssen, B. 2006. “Skhemy argumentatsii [Argumentation Schemes]” [in Russian]. In *Vazhneyshiy kontseptsii teorii argumentatsii [Crucial Concepts in Argumentation Theory]*, ed. by A. I. Migunov, trans. from the English by V. Yu. Golubev, S. A. Chakhoyan, and K. V. Gudkova, 99–112. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Filologicheskii fakul'tet SPbGU [Philological Faculty of SPbU].
- Gasparov, M. L. 1972. “Tsitseron i antichnaya ritorika [Cicero and Ancient Rhetoric]” [in Russian]. In *Tri traktata ob oratorskom iskusstve [Three Treatises on Oratorical Art]*, by Cicero Marcus Tullius, ed. and trans. from the Latin by M. L. Gasparov, 7–73. Moskva [Moscow]: Nauka.

- Gertsen, A. I. 1969. *Byloye i dumy. Chasti 1–5 [My Past and Thoughts. Parts 1–5]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Harris, R. 2013. “Figural Logic in Gregor Mendel’s ‘Experiments on Plant Hybrids.’” *Philosophy & Rhetoric* 46 (4): 570–602.
- Kjeldsen, J. E. 2015. “The Study of Visual and Multimodal Argumentation.” *Argumentation* 29:115–132.
- Kolotilova, N. A. 2013. “Ritoricheskiye figury kak sredstva argumentatsii [Rhetorical Figures as Argumentation Devices]” [in Russian]. *Idey i idealy [Ideas and Ideals]* 2 (3): 65–71.
- Kondakov, N. I. 1975. *Logicheskiy slovar'-spravochnik [Handbook of Logic (A Dictionary)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Kraus, M. 2007. “From Figure to Argument: Contrarium in Roman Rhetoric.” *Argumentation* 21:3–19.
- Lisanyuk, Ye. N. 2015. *Argumentatsiya i ubezhdeniye [Argumentation and Persuasion]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Lumer, C. 2022. “An Epistemological Appraisal of Walton’s Argument Schemes.” *Informal Logic* 42 (1): 203–290.
- Mehlenbacher, A. R. 2017. “Rhetorical Figures as Argument Schemes—The Proleptic Suite.” *Argument & Computation* 8:233–252.
- Migunov, A. I., ed. 2006. *Vazhneyshkiye kontseptsii teorii argumentatsii [Crucial Concepts in Argumentation Theory]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Yu. Golubev, S. A. Chakhoyan, and K. V. Gudkova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Filologicheskii fakul'tet SPbGU [Philological Faculty of SPbU].
- Olmos, P., ed. 2017. *Narration as Argument*. Amsterdam: Springer.
- Plantin, C. 2009. “Un lieu pour les figures dans la théorie de l’argumentation” [in French]. *Argumentation et Analyse du Discours* 2:1–17.
- Quintilian. 1834. *Dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavleniy [Institutio oratoria]* [in Russian]. Trans. from the Latin by A. Nikol'skiy. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy rossiyskoy akademii [Printing House of the Imperial Russian Academy].
- . 2025. *Obucheniyе oratora. Kniga 1 [Institutio oratoria. Liber 1]: O nachal'nom obuchenii i shkole grammatika* [in Russian]. Ed. by M. V. Shumilin. Trans. from the Latin by N. V. Dracheva. Moskva [Moscow]: Delo.
- . 1920/1922. “Institutio oratoria” [in Latin]. Trans. by H. E. Butler. Penelope UChicago. https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Quintilian/Institutio_Oratoria/home.html.
- Rees, M. A. van. 2006. “Interpretatsiya i rekonstruktsiya argumentatsii [Interpretation and Reconstruction of Argumentation]” [in Russian]. In *Vazhneyshkiye kontseptsii teorii argumentatsii [Crucial Concepts in Argumentation Theory]*, ed. by A. I. Migunov, trans. from the English by V. Yu. Golubev, S. A. Chakhoyan, and K. V. Gudkova, 198–238. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Filologicheskii fakul'tet SPbGU [Philological Faculty of SPbU].
- Takho-Godi, A. A., ed. 1978. *Antichnyye ritoriki [Ancient rhetorics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet [Moscow University Press].
- Tindale, S. 2017. “Narratives and the Concept of Argument.” In *Narration as Argument*, ed. by P. Olmos, 11–30. Amsterdam: Springer.
- Vomperskiy, V. P. 1988. *Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv. [Rhetorics in Russia in the XVII–XVIII Centuries]* [in Russian]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Walton, D. 2006. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zverev, S. E., and Ye. Yu. Golubeva. 2022. "Rimskaya sudebnaya ritorika I veka do n. e. [Roman Judicial Rhetoric of the 1 Century BC]" [in Russian]. In *Pervaya sudebnaya ritorika. "Ritorika dlya Gerenniya" ("Ad Herennium") [Rhetorica ad Herennium]*, by Cicero Marcus Tullius, ed. by L. V. Shabanov, trans. from the Latin by S. E. Zverev and Ye. Yu. Golubeva, 5–20. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.